

УДК 94(575.2):340.141

**О ВЛИЯНИИ МУСУЛЬМАН-ТАТАР НА СУДОПРОИЗВОДСТВО
КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА (1865–1917)
(ПО АРХИВНЫМ, ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

А.Л. Салиев

Рассматривается проблема влияния российских татар на судопроизводство кочевых народов Туркестана по обычному праву (адату). По мнению автора, татары как “сильные” и давние мусульмане во многом повлияли на указанное судопроизводство.

Ключевые слова: Туркестан; татары; ислам; шакирды; кыргызы; казахи; мусульманское право (шариат).

**ABOUT INFLUENCE OF THE MOSLEM TATARS ON THE JURIDICAL PROCEEDINGS
OF THE TURKESTAN NOMADIC PEOPLES (1865–1917)
(ON THE BASIS OF ARCHIVE, JURIDICAL AND OTHER MATERIALS)**

A.L. Saliev

The problem of influence of the Russian Tatars on the juridical proceedings of the Turkestan Nomadic peoples in accordance with customary law (adat) is considered in the article. In author's opinion, the Tatars as “strong” and long-time Moslems had influenced significantly the indicated juridical proceedings.

Key words: Turkestan; the Tatars; Islam; the Shakirds; the Kyrgyz; the Kazakhs; Moslem law (Sharia).

Татары наладили прочные связи с кочевыми народами Туркестана еще во времена господства Золотой Орды в русских землях и на территориях Средней Азии. После распада Орды и образования на ее руинах татарских ханств – Казанского, Астраханского, Сибирского и проч. указанные связи не только не ослабли, но в значительной мере окрепли. Их главным содержанием были, безусловно, торгово-экономические. Авторитетные (академические) советские историки отмечали, что с конца XV в. (крах Золотой Орды) “развивались экономические связи (народов Туркестана – А.С.) с Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, а после присоединения их к Русскому государству – усилились торговые и дипломатические связи с Россией” [1]. Из этого следует, что указанные выше татарские ханства были в свое время преградой на пути развития торговли Русского государства с Туркестаном. Однако ликвидация татарских ханств и включение их в состав единой России, на наш взгляд, не сломили окончательно такую “преграду”. Российский исследователь Д.Ю. Арапов отмечает, что в “смутные времена” конца XVI – начала XVII вв. мно-

гие “казанцы” предпочли продолжить бунт, смуту и “многую пакость земле подеяше” [2]. Торговля с Туркестаном (особенно с кочевниками т. н. “Киргизской степи”) при отсутствии охраняемых границ и таможен продолжала приносить татарам немалые доходы. В наиболее выгодном положении оказались татары бывшего Сибирского ханства. Торговлю казанских, астраханских, ногайских, сибирских и др. татар с кочевым и оседлым населением Туркестана весьма облегчало то обстоятельство, что все они (за исключением “бухарских” евреев) были единоверцами – мусульманами. Современный российский исследователь Е.И. Ларина пишет о том, что “еще до присоединения Казани к России в 1552 г. татарская мусульманская элита имела тесные связи с мусульманскими центрами в Хорезме и Мавераннахре... в казахских степях уже существовало значительное татарское религиозное присутствие” [3]. Облегчалась торговля татар с населением Туркестана (за исключением таджиков и евреев) сходством татарского языка с местным диалектом. Следует особо отметить, что, пребывая у кочевников, татары усиленно проповедовали среди них ислам

и законы шариата и уже в то время нормы мусульманского права (шариата) стали постепенно проникать в “кочевое” судопроизводство – прежде всего, в сферу имущественных, наследственных и семейно-брачных отношений.

В 1730-х гг. произошло добровольное и официальное присоединение к России казахов Малого и Среднего жузов [4]. Началось строительство города Оренбурга, который стал форпостом России на рубеже с “Киргизской степью”, среднеазиатскими ханствами – Бухарским, Кокандским и Хивинским. Царское правительство построило вдоль границ Оренбургского края крепости и укрепления (“крепостцы”) и взяло под контроль торговлю с Туркестаном. Эти мероприятия царской власти негативно сказались на бесконтрольной торговле татар с коренным населением Туркестана. Однако татары сумели приспособиться к новым условиям и быстро перешли к законным способам товарообмена. В Оренбурге сформировалась многочисленная татарская колония, которая состояла в основном из купцов и торговой “обслуги”. В ее составе были ремесленники, учителя, религиозные лица (муллы) и др. Российский исследователь Г.Г. Косач пишет о т. н. “Оренбургском татарском меньшинстве” [5]. Однако на деле среди русских, украинцев (малороссов), немцев, поляков, “европейских” евреев и проч., “татарское меньшинство” в городе было самой крупной по численности этнической группой. Оренбург становится плацдармом татарской торговой экспансии на Туркестан. Все это сопровождается исламизацией кочевого религиозного сознания и реформацией их судопроизводства путем внедрения в него начал мусульманского права (шариата). Для татар это было выгодно в том числе и для решения торгово-экономических дел, так как обычное право (адат) кочевников не знало института частной собственности.

К довольствию татар их усилиям в деле исламизации кочевников Туркестана помогла сама царская власть. Известный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов пишет о том, что в недавно присоединенном Казахстане, “правительство Екатерины II должно было выработать политику по отношению к его населению, в том числе и религиозную. “Матушка-императрица” нашла необходимым споспешествовать исламизации кочевников. Она писала Оренбургскому генерал-губернатору (О.А. Игельstromу – А.С.), что “построение там... для главнейших родов мечетей, школ... весьма полезны и нужны... Снабдение разных родов киргизских (тогда всех номадов Туркестана, кроме туркмен, именовали “киргизами” – А.С.) муллами немалую пользу в наших делах принести может”.

Для реализации своего курса на мусульманизацию кочевников... российское правительство привлекло самых “зрелых” представителей ислама в России – татар Поволжья. На нужды исламизации казахов государство выделило значительные средства, на которые содержался миссионерский “аппарат”, строились религиозные школы, мечети, издавалась соответствующая литература и т. п. *Ярые исламисты – татары быстро и в полной мере использовали неожиданные и благоприятные для себя возможности.* Они не только в значительной мере утвердили исламское мировоззрение в сознании наивных, “язычествующих” во многом казахов, но и *существенным образом упрочили свое влияние среди них, с которым само российское правительство потом долго и малоуспешно боролось*” [6] (курс. наш – А.С.). Решение императрицы удивляли американца Ю. Скайлера – автора знаменитого двухтомника о царском Туркестане, известного британского политика и премьер-министра У. Гладстона, это решение ошибочным считал В.В. Бартольд. Выдающийся путешественник Чокан Валиханов писал: “Мы не знаем, что было бы лучше для Киргизской Степи: прежнее невежество, чуждое религиозной нетерпимости, или современное татарское просвещение, выражающееся в продолжении 300 лет самым антипрогрессивным образом. Татары в России составляют совершенно отдельный восточный мир, не имеющий ничего общего с интересами русской народности... Татары распространились по всей Орде (среди казахов – А.С.) и действуют успешно... Замечательно, что чем дальше от татар, тем в киргизах (кочевниках – А.С.) менее фанатизма, хотя тут они живут под влиянием среднеазиатских владений, которые мы привыкли считать гнездами изуверства. Мы думаем, что бухарские муллы менее опасны, чем татарские” [7].

Как отмечалось выше, царское правительство пыталось бороться с татарским “засильем” в Туркестане. Об этом писал упоминавшийся выше П.П. Литвинов [8]. Он, в частности, отмечал, что “Степное положение” 1868 г. изыало кочевников Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей из ведения “Оренбургского Магометанского Духовного Собрания” с центром в Уфе с тем, чтобы пресечь влияние татар на номадов “Степи”. Проект “Туркестанского положения” 1867 г. не предусматривал такой меры, однако генерал-губернатор К.П. Кауфман уже в 1868 г. тоже изыал своих кочевников из ведения “татарского” – Уфимского муфтиата и выгнал всех мулл-татар, устроившихся на подведомственной ему территории (главным образом, из Семиреченской области).

МВД, курировавшее все неправославные конфессии Российской империи, не признало действия Кауфмана, однако он как фаворит самого императора Александра II и военного министра Д.А. Милютин сумел добиться от министра внутренних дел Л.С. Макова издания 4 марта 1880 г. предписания, в котором тот “предложил Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию не входить в будущем ни в какие официальные сношения... с магометанскими духовными учреждениями Туркестанского края, обращаясь в случае надобности к военным губернаторам и уездным начальникам” [9]. В 1873 г. в “Пояснительной записке к проекту Положения об управлении Туркестанским краем” Кауфман писал о том, что татарская пропаганда в “Степи” разрушает устои традиционного кочевого судопроизводства и “настойчиво рекомендовал правительству сохранить суд биев, действовавший на основе обычного права – адата, и препятствовать проникновению в кочевую среду мусульманского религиозного права – шариата. Кауфман подчеркивал в “Записке”, что в адате “нет никакого фанатического начала, вредного для государственного строя”, тогда как шариат непременно будет способствовать усилению мусульманской религиозности кочевников” [10]. П.П. Литвинов отмечает, что “комиссия сенатора Ф. Гирса, рассматривавшая проект, сочла доводы туркестанского генерал-губернатора убедительными и сохранила среди кочевников судопроизводство по адату, указав, что шариат поставитномадам “тесную рамку для умственного развития” [11]. Но опасность татарского влияния на “кочевое” (адатное) судопроизводство со временем не уменьшалась. В 1884 г. новый (после ухода М.Г. Черняева) туркестанский генерал-губернатор Н.О. Розенбах образовал под председательством военного губернатора Сырдарьинской области, генерал-майора Н.И. Гродекова специальную комиссию для выработки мер по прекращению татарской исламизации кочевников края, в которую вошли крупнейшие специалисты по данному вопросу: Н.П. Остроумов, В.П. Наливкин, Н.В. Чарыков и др. Комиссия заседала с середины августа по 7 сентября 1884 г. В итоге, она предлагала “не ускорять разложение родового начала”, всемерно содействовать росту влияния и авторитета обычного права – адата кочевников, пресекать применение норм шариата “битюмом” (так назывался суд биев – А.С.), поощрять принесенииномадами присяги по обычаю, а не на Коране и т.д. [12]. При составлении проекта “Положения об управлении Туркестанским краем”, утвержденного 12 июня 1886 г. Розенбах, как член правительственной комиссии по его выработке, добился сохранения ко-

чевого суда по обычному праву (адату), но в главе III правового акта, называвшейся: “Народный суд”, он не был документально отделен от шариатского суда казиев [13]. Вместе с тем в “Туркестанском положении” 1886 г. для татар было поставлено непреодолимое препятствие. Статья 262-я этого акта гласила: “Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских исповеданий воспрещается” [14]. Понятно, что в статье речь шла преимущественно о татарах и евреях. Однако среднеазиатские евреи добились принятия в 1889 г. примечания к этой статье, которая разрешала им приобретать земли и иные недвижимые имущества в Туркестанском крае. Что же касается татар, то, несмотря на их многочисленные прошения, законодатель так и не пошел им навстречу. Понятно, что это был серьезный удар по торгово-экономическим интересам татар. Но закон от 12 июня 1886 г. распространялся только на т. н. “коренные” области Туркестанского края – Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую. Семиреченская область, выведенная в 1882 г. из Туркестанского края и переданная в Степной край, до 1891 г. управлялась на основании проекта “Туркестанского положения” 1867 г., которое не содержало никаких ограничений для приобретения земель и недвижимости татарами. “Степное положение” 1868 г., о котором мы упоминали выше, тоже не предусматривало таких норм. Утвержденное 25 марта 1891 г. новое “Степное положение”, которое, вообще, даже по признанию законодателя, во многом дублировало “Туркестанское” 1886 г., повторило его и в статье 136-й, также запретившей татарам приобретать недвижимость в “степных” областях (Акмолинской, Семиреченской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской) [15]. Но у татар к тому времени уже было много земель и иной недвижимости в этих областях, а новые они без труда приобретали на подставные лица, имевшие статус “туземных” жителей. Впрочем, и в Туркестанском крае, после 1886 г. они тоже часто продельывали такого рода махинации. Власти, конечно же, знали об этом, но ничего не могли поделать, поскольку все осуществлялось исключительно по букве закона. Таким образом, борьба царизма с татарами в Туркестане не имела значительных реальных результатов ни в “Степи”, ни в оседлых оазисах региона. И татары по-прежнему могли оказывать свое влияние на кочевое судопроизводство по обычному праву (адату).

В “Записке о состоянии Семиреченской области в 1908 году” отмечалось, что обучение детей

кочующих туземцев производится татарскими муллами, которые разъезжают по “Степи” и в одном из аулов открывают временную мусульманскую школу, после чего меняют место пребывания и перемещаются в другие кочевья, где снова занимаются обучением детей [16]. При этом сообщалось, что в 1908 г. в Семиреченской области было 34 таких мулл-учителей. Школа оказалась для татар оптимальной формой исламизации религиозного сознания кочевников и шариатизации их традиционного судопроизводства по обычному праву (адату). 4 января 1913 г. старший чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе писал в рапорте на имя Самсонова о том, что сведения Главного инспектора училищ края о ежегодном наезде студентов казанских медресе в “Киргизскую степь” с тем, чтобы обучать кочевую молодежь вполне соответствуют действительности. Он указывал, что он сам посетил места, в которых они действуют и убедился в том, что татары-студенты казанских медресе учат детей кочевников за высокую плату и по “новому методу”, причем процесс обучения имеет антирусское и антиправительственное содержание. И с этим пока не поздно надо бороться [17]. Самсонов обратил внимание Туркестанского районного охранного отделения на это обстоятельство. Уже 21 января 1913 г. начальник Туркестанского Районного охранного отделения (ТРОО) Отдельного корпуса жандармов подполковник Сизых писал в рапорте директору Департамента полиции МВД (и в копии туркестанскому генерал-губернатору) о том, что студенты татарского медресе “Галие”, т. н. “шакирды”, проводят активную работу среди кочевого населения Туркестанского края. Они открывают “юрты-школы” для детей богатых “киргиз” и берут высокую плату за обучение, но, тем не менее, “киргизская” молодежь старается попасть в эти школы. Сизых отмечал, что студенты-татары из медресе “Галие” проводят открытую антирусскую пропаганду, в связи с чем неуважение к России среди кочевников растет. Он указывал, что во время Балканских войн “киргизы высказывали осуждение России за поддержку славян” [18]. Директор Департамента полиции МВД С.П. Белецкий переслал копию рапорта начальника ТРОО начальнику Казанского ГЖУ [19] с тем, чтобы тот разобрался с делом о “шакирдах” и доложил о принятых мерах по этому поводу. 5 марта 1913 г. начальник Казанского ГЖУ писал в Департамент полиции МВД о том, что татары-студенты медресе “Галие” и других медресе Казани и губернии действительно ежегодно приезжают в “Киргизскую” степь учить детей. Он отмечал, что “шакирдов” около 40 чел., приво-

дил их список, но сообщал конкретные сведения только по нескольким из них. Начальник казанской “охранки” указывал, что принять запретительные меры по отношению к “шакирдам” трудно, так как они выезжают в “Степь” во время законных каникул [20].

Таким образом, вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что одним из важнейших компонентов шариатизации судопроизводства по обычному праву (адату) кочевых народов Туркестана в рассматриваемый период была деятельность “казанских” и иных татар. Это процесс был им выгоден как по идеологическим и политическим, так и по экономическим и правовым обстоятельствам. Во-первых, процесс усиливал исламизацию религиозного сознания кочевников, прививал им не только антицаристские, но и антирусские, антихристианские взгляды, которые они начинали проповедовать и реализовывать, попадая в органы т. н. “туземного” самоуправления и суда. Во-вторых, шариатизация “кочевого права” позволяла татарам успешнее решать проблемы торгово-экономических отношений с миром кочевников Туркестана, чьи адаты (обычное право) не знало института частной собственности и, соответственно, не могли регулировать те имущественные и прочие материальные отношения, в которых они были заинтересованы. С целью преломления традиционного (языческого) религиозного сознания, а также трансформации правосознания кочевников региона, татары эффективно применяли возможности просвещения и образования кочевников “Степи”.

Литература и примечания

1. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М.: изд. АН СССР, 1955. С. 891.
2. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д.Ю. Арапов. М., 2004. С. 40.
3. *Ларина Е.И.* Казахи в России (этнологический обзор) / Е.И. Ларина // Сборник Русского Исторического Общества. № 5. (153). М., 2002. С. 136.
4. См.: Жалованная грамота старшине Киргизкайсацкой Орды Эбулхаир-хану и всему войску – О принятии их в Российское подданство. 19 февраля 1731 года // ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. № 5704. С. 386–387; Грамота Похвальная Киргизкайсацкому Абулхаир-хану – за приведение им в Российское подданство Большой Кайсацкой Орды, также Аральского Хана. 9 апреля 1734 года // ПСЗРИ-1. Т. 9. СПб., 1830. № 6567. С. 303–304.

5. См.: *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов. Оренбургское татарское меньшинство и государство / Г.Г. Косач. М., 1998.
6. *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917). (По архивным материалам) / П.П. Литвинов. Елец, 1998. С. 153.
7. *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии / Ч.Ч. Валиханов // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1 / Ч.Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1984. С. 344.
8. *Литвинов П.П.* Антитатарская политика царизма в Средней Азии и Казахстане / П.П. Литвинов // Материалы по истории татарского народа: сб. статей. Казань, 1995. С. 367–387.
9. ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 19. Д. 818. Л. 24–24 об.
10. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 334. Л. 126.
11. *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане.... С. 156.
12. АГИМ (Архив Государственного исторического музея). Ф. 307. Оп. 1. Д. 46. Л. 135.
13. Высочайше утвержденное – “Положение об управлении Туркестанским краем”. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886. СПб., 1888. № 3814. С. 208–254.
14. Там же. С. 338.
15. См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. 25 марта 1891 года // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11. Отд. 1. 1891. СПб., 1894. № 7574. С. 145.
16. См.: Записка о состоянии Семиреченской области в 1908 г. Б.м., б.г. С. 28.
17. ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1913. Д. 74. Ч. 84. Л. 141–14.
18. Там же. Л. 3, 3 об., 4.
19. Губернского жандаримского управления – прим. авт.
20. ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. 1913. Д. 74. Ч. 84. Л. 43–43 об.